

Александр Юдин
Голод бездонной тишины

Книга 1
Шахта памяти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Голод бездонной тишины

Александр Юдин

Голод бездонной тишины
01 - Шахта памяти

«Автор»

2026

Юдин А.

Голод бездонной тишины 01 - Шахта памяти / А. Юдин —
«Автор», 2026 — (Голод бездонной тишины)

Книга в процессе: Ведутся работы над 3 главой. Первая книга серии «Голод бездонной тишины» во вселенной "Живая бездна". На удалённой океанической платформе «Мнемозина-7» после подъёма загадочного образца начинают происходить самоубийства, вспышки насилия и странные психические срывы. Чтобы разобраться в происходящем, туда прибывает Лея Моро — специалист по травматическим состояниям персонала. Но очень скоро становится ясно, что проблема куда страшнее обычного кризиса. Люди слышат голоса умерших, коридоры ведут не туда, каюты будто знают чужие тайны, а сама платформа начинает меняться. Среди нарастающего ужаса Лея сталкивается не только с чужими страхами, но и с тем, что не должно было вернуться из её собственного прошлого. «Шахта памяти» — мрачный психологический хоррор о вине, памяти и бездне, которая смотрит в человека через его самые уязвимые места.

© Юдин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Подъём	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Юдин

Голод бездонной тишины

01 - Шахта памяти

Пролог: Подъём

Ночь здесь не была просто тёмной. Она была маслянисто-чёрной, плотной, вязкой — будто океан внизу не отражал свет, а пожирал его, медленно и без следа. Прожекторы, закреплённые на фермах, резали эту тьму белыми лезвиями, но выхватывали лишь клочья пены, мокрые перила да крановую стрелу, дрожащую от ветра. Самого моря видно не было. Только его присутствие — в качке, в солёной взвеси, в глухих ударах воды по опорам где-то далеко внизу.

Платформа «Мнемозина-7» гудела, как огромное больное тело из стали. Вибрация шла по настилам — в подошвы, в колени, в зубы. Воздух был густ от запахов соли, дизеля, горячей проводки и мокрой ржавчины. Всё липло к коже. Всё было сырым — кроме металла внутри машин: тот дышал сухим жаром и электричеством.

Старший техник смены, Йонас Грей, стоял у подъёмного контура в тяжёлом дождевике, с капюшоном, прилипшим к коротко стриженной голове. Вода стекала ему за ворот, вдоль позвоночника, и это раздражало сильнее, чем шторм. Шторм был рабочий. Не такой, из-за которого всё бросают и бегут молиться, — а такой, в котором просто матерятся громче и держатся крепче.

— Натяжение держи ровно! — рявкнул он, не оборачиваясь.

— Держу, чтоб тебя! — отозвался оператор с верхнего поста. — Оно само скачет!

Тросы пели на ветру — тонко, зло, почти музыкально. Йонас всегда ненавидел этот звук. Слишком похожий на человеческий голос, стонущий от боли.

На экране техпанели бежали цифры. Глубина. Нагрузка. Температура. Маркеры мигали ровно, но сама кривая сопротивления шла неправильно — не как у обычной породы. Не как у обломка.

Он сплюнул солёную воду.

— Это ваш «образец»? — бросил он в гарнитуру. — Бумажки опять забыли предупредить, что тащим кусок преисподней?

В наушнике треснул короткий нервный смешок.

— По документам — обычный подъём керна, — ответил кто-то из геоблока. — Не умничай, Йонас. Поднимешь ящик — подпишешь.

— А если ящик откусит мне руку — тоже в акт внесём?

Никто не засмеялся.

Подъёмник дёрнулся. Не резко — тяжело. Так дёргаются вещи, которые не просто весят, а сопротивляются. Йонас поднял голову. Стрела крана натянулась, металл застонал в ней низко и устало. Люди вокруг разом смолкли — все как один посмотрели туда, где из черноты выходил трос.

— Видишь? — сказал кто-то совсем рядом. — Опять.

Йонас видел. Нагрузка росла рывками — будто внизу груз не поднимали со дна, а отдирали от чего-то, что не хотело его отпустить.

Ветер ударил в борт. Платформа качнулась всей массой — глухо, почти по-звериному. На миг Йонасу почудилось, что под ногами шевельнулась не сталь, а живая, тяжёлая усталость огромного существа, которое терпит, пока в него вонзают крюки.

Он стиснул челюсти и шагнул ближе к борту.

Трос шёл вверх медленно, дрожа от напряжения и распевая свою тонкую металлическую песню. И чем дольше Йонас смотрел в черноту под прожекторами, тем яснее становилось мерзкое, невозможное ощущение:

«Они тянут не груз вверх — они вырезают его из чего-то живого».

Контейнер выходил из тьмы так медленно, словно сама глубина неохотно разжимала пальцы.

Сначала под лучи прожекторов попал только трос — чёрный, блестящий, натянутый до предела. Потом показался угол грузового каркаса, облепленный морскими отложениями, как старая кость. Ещё выше — боковина, перекошенная, вдавленная, с наростами минеральной корки и ржавыми потёками. Вода стекала с неё не так, как должна стекать вода: не струями, не каплями — густыми, ленивыми сгустками, будто поверхность удерживала её дольше положенного, не желая отдавать воздуху.

— Тихо, тихо, тихо... — пробормотал оператор сверху, словно успокаивал не механизм, а зверя. — Не дёргайся, сука, не дёргайся...

Контейнер качнуло над приёмной площадкой. Металл скрипнул так, что у нескольких людей одновременно дёрнулись лица. Йонас шагнул вперёд, подняв руку.

— Стоп! Ещё полметра. Медленно!

— Да вижу я! — огрызнулся крановщик. — Только из-за этой чёртовой погоды кажется, будто он на ходу форму меняет.

— Что?

— Ничего. Веду.

Колёса фиксаторов с визгом встали под направляющие. Когда груз наконец опустился на площадку, настил отозвался тяжёлым гулом во все стороны — и платформа будто коротко, грубоко вздохнула под ногами.

Контейнер не оставили под открытым небом.

Когда подъёмный контур дотащил его до уровня основного настила, груз на короткое время завис в сетке прожекторов — мокрый, тёмный, облепленный минеральной коркой, с вязкой водой, стекавшей по швам медленнее, чем положено воде. Потом крановая тележка с низким скрежетом повела его внутрь, к приёмной площадке.

Входной проём был огромный, прямоугольный, обрамлённый тяжёлыми направляющими и полосами сигнального света. За ним начиналось крытое помещение — не тёплое и не уютное, но по сравнению с наружной палубой почти казавшееся другим миром. Здесь не хлестал дождь, не било в лицо морской пеной, не рвал одежду ветер. Только влажный воздух, шум вентиляторов, тяжёлый электрический гул и эхо шагов по стальному настилу.

Приёмная площадка была большой, высокой — как ангар, втиснутый в железное тело платформы. Под потолком тянулись балки, кабель-каналы, рельсовые направляющие для кран-балки. По стенам — аварийные лестницы, шкафы с инструментом, щиты управления, линии технического освещения. Свет здесь был жёсткий, бело-жёлтый, безжалостно промышленный: он не создавал уюта, а лишь делал всё видимым — мокрые следы ботинок, ржавые подтёки, блеск воды на полу, напряжённые лица людей.

Когда груз пошёл внутрь, звук изменился сразу.

Снаружи тросы пели на ветру, а океан гремел под настилем глухо, как далёкая артиллерия. Здесь каждый скрип, каждый удар металла о металл возвращался многократным эхом. Колёса транспортной рамы глухо стучали по направляющим. Вода с контейнера капала на пол редко, вязко. Цепи позвякивали короче и злее. Даже команды звучали иначе — не разлетались в шторме, а оставались висеть под потолком, как несмытая копоть.

— Внутрь его, внутрь! — крикнул Йонас, махнув рукой на центр площадки. — Не держите в проёме!

— Да ведём уже! — отозвался оператор.

Контейнер медленно пересёк порог. На секунду показалось, будто вместе с ним внутрь въехал и кусок наружной ночи: мокрая чернота, солёный запах глубины, ощущение чего-то вытасченного не просто со дна — а из места, куда технике вообще не следовало лезть.

Когда раму поставили на роликовые упоры и начали закатывать груз под стационарные лампы осмотра, люди инстинктивно подступили ближе. Не потому, что им хотелось. Просто в закрытом помещении объект переставал быть частью шторма и становился чем-то конкретным, лежащим среди них.

С потолка капал конденсат. Вентиляция гудела ровно. За стенами всё ещё бушевал океан, но теперь он звучал приглушённо — будто платформа закрыла за собой пасть.

И именно здесь, под стационарным светом приёмной площадки, среди металла, кабелей, разметки и строгой промышленной геометрии, поднятый контейнер впервые стал выглядеть не как груз из глубины — а как нечто, внесённое внутрь живого организма.

Рабочие окружили его, подсвечивая переносными лампами. Белые пятна света скользили по корпусу — и становилось только хуже: деформация не выглядела следом одного лишь давления. Металл местами был вогнут внутрь, но рядом — плавно выпячен наружу, словно его не только сдвигало толщей воды, но и что-то изнутри долго, терпеливо давило в ответ.

— Что за дрянь... — выдохнул один из буровиков. — Это вообще наш маркированный блок?

Йонас присел у боковой панели, соскрёб перчаткой слой нароста. Под ним тускло проступил номер секции — верный, но частично съеденный коркой, будто контейнер пробыл на дне не часы, а годы.

— По коду — наш, — сказал он. — По виду — уже не уверен.

Кто-то нервно хмыкнул. Другой посветил на смотровой участок, где удар или давление пустили трещину по герметичному окну.

Внутри лежало нечто, от чего разговоры стихли разом.

Материал не был похож ни на обычную руду, ни на кристаллическую породу. Он был серо-молочным в одном слое, мутно-синим в другом, а в глубине вспыхивал мясистым, болезненно-перламутровым отблеском. Поверхность казалась влажной не потому, что её только что подняли из воды, — а потому, что влажность была её собственной природой. Как у свежего разреза ткани. Как у живого камня, если бы такой мог существовать. В одних местах масса напоминала коралл, в других — стекло, в третьих — плоть.

— Это... просто порода? — тихо спросил молодой техник, не отрывая взгляда.

Никто не ответил сразу.

Потом женщина из лабораторной смены — обычно резкая и громкая — сказала почти шёпотом:

— Если это порода... то почему у меня ощущение, что она дышит?

— Не начинай, — буркнул кто-то.

— Я не начинаю. Я смотрю.

Йонас хотел рывкнуть, чтобы прекратили этот детский бред. Хотел сказать, что люди на ночных сменах всегда начинают видеть лишнее, если не спят по двое суток и дышат дизелем. Но слова застряли в горле.

Потому что свет фонаря, проходя через смотровое стекло, будто не просто отражался от образца — а уходил в глубину, как в мутный глаз.

— Отметьте повреждение по корпусу, — хрипло сказал он. — И никому руками внутрь не лезть. Ждём геологов.

— Йонас, — окликнул его оператор.

— Что ещё?

Тот стоял у смотрового окна, наклонившись слишком близко. На его лице впервые не было ни злости, ни усталости — только тупое, растущее недоумение.

— Подойди. Сам.

Йонас подошёл.

На внутренней стороне стекла, за герметичным швом, медленно собирались мелкие капли.

Он нахмурился.

Камера должна была быть сухой. Охлаждённой. Запаянной.

А конденсат проступал изнутри — словно груз там, в темноте контейнера, дышал в стекло. Тепло. Влажно. Ровно.

Первым сломался не самый слабый.

Это, пожалуй, и было хуже всего.

Грегор Рейс — такелажник с двадцатью годами морских смен за плечами, с тяжёлыми кулаками, прокуренным смехом и лицом человека, который пережил достаточно, чтобы не верить ни в Бога, ни в видения, — стоял у края приёмной площадки, пока остальные переговаривались вокруг контейнера. Минуту назад он ещё спорил с оператором из-за фиксаторов, ругался — зло и лениво, как всегда, — и вдруг умолк на полуслове.

Йонас заметил это не сразу. Сначала — просто отсутствие мата в привычном разговоре. Потом — тишину именно там, где должен был быть Грегор.

Тот стоял неподвижно, чуть развернувшись к мокрому стеклу смотрового окна. Не к людям. Не к технике. Куда-то между отражением прожектора и собственной тенью на металле.

— Грег? — окликнул Йонас. — Эй. Ты чего?

Никакой реакции.

Порыв ветра ударил в площадку, тросы наверху тонко запели. Свет дрогнул на стекле.

Грегор медленно поднял руку — будто хотел коснуться кого-то по ту сторону.

— Эй, — уже жёстче сказал Йонас и шагнул к нему. — Рейс.

Лицо Грегора изменилось не так, как меняются лица у испуганных людей. На нём не было паники. Только что-то куда хуже — узнавание. Губы разомкнулись. Он будто забыл, как дышать: грудная клетка застыла, потом резко, мелко дрогнула. У этого здоровенного, тяжёлого мужика вдруг затряслись пальцы. Он облизнул губы.

— Она тут, — прошептал Грегор.

Кто-то нервно усмехнулся:

— Чего?

Грегор не отрывал глаз от смотрового окна.

— Она всё ещё живая.

Секунду никто не понимал. Потом один из парней тихо выругался. Лаборантка опустила фонарь.

— Он опять про Лиду? — шепнул кто-то. — Чёрт...

Лида погибла три года назад. Авария на береговом терминале. От неё, по слухам, осталось так мало, что закрытый гроб был милостью, а не формальностью. Грегор о ней не говорил. Никогда. Даже пьяный.

— Грег, — сказал Йонас медленно, подходя ещё ближе. — Здесь никого нет.

И в эту самую секунду сам почувствовал странное: воздух у контейнера пошёл рывками — то теплее, почти влажный, как в жилом отсеке после душа, то снова холодный, солёный, ночной. Будто рядом с грузом не держалась одна температура — её переключали между разными комнатами, разными жизнями.

Грегор улыбнулся.

Не широко. Не счастливо. Так улыбаются люди, которым слишком больно, чтобы плакать.

— Ты опять босиком ходишь по кухне, — прошептал он в темноту. — Я же говорил, пол ледяной... Лида, ну что же ты...

Голос сорвался на последних словах, и от этого стало особенно мерзко. Он не слышал загробный шёпот. Не слышал проклятие. Он слышал домашний, обычный, тёплый голос своей давно умершей жены.

— Грегор! — резко крикнул Йонас.

Тот вздрогнул, будто его ударили, но не посмотрел на людей. Наоборот — сделал шаг вперёд.

Не к ним.

К грузу.

Медленно, почти застенчиво — так подходят к живому собеседнику, которого боятся спугнуть.

И в ту секунду впервые стало ясно: что бы ни лежало внутри контейнера, оно не просто пугало.

Оно звало.

Всё посыпалось сразу — как это бывает не в кино, а в реальности: без паузы, без предупреждающего звука, без чёткой границы, за которой ещё можно сказать «вот сейчас всё пошло не так».

Пока Йонас и двое буровиков удерживали Грегора, который уже не сопротивлялся по-человечески, а тянулся вперёд всем телом — как лунатик к открытому окну, — второй техник, Арман Левек, тихий, сухой мужик из сервисной группы, обошёл контейнер с другой стороны.

Он наклонился к смотровому сегменту так близко, что капли солёной воды с его капюшона застучали по стеклу. Стоял несколько секунд, не двигаясь, потом резко приложил ладонь к шву гермобокса.

— Ты что делаешь?! — крикнула лаборантка.

Арман не ответил.

Лицо его стало серым — будто за один вдох из него ушла вся кровь. Он замер, прислушиваясь. Не к людям — к контейнеру. Йонас увидел, как у того дрогнуло горло. Как он приоткрыл рот. Как медленно, почти с нежностью, провёл пальцами по холодному металлу — и в этом жесте было что-то невыносимо интимное, будто он касался не промышленного корпуса, а горячей кожи под простынёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.